

Внутри мимикрии: вопрос об истине и лжи применительно к психической реальности

НИНА САВЧЕНКОВА

Центр практической философии «Стасис»

Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб),
Россия, ninasavchenkova@mail.ru.

Ключевые слова: мимикрия; миметический процесс; нечувственные подобию; интроекция; проекция; система производства ложностей; восприятие; не-восприятие.

Аналитика феномена мимикрии и миметических процессов, выполненная в гуманитарной мысли в XX веке — в работах Роже Кайуа и Вальтера Бенямина, — дает основание для понимания мимикрии в антиадаптивной манере, как конфликтного отношения внутреннего и внешнего. Психоаналитическое изучение невротических и психотических структур указывает на значимость миметических процессов для внутренней жизни человека и связывает их с фундаментальными процессами интроекции и проекции, порождающими психическую реальность. Анализ этих процессов, представленный в работах Шандора Ференци, показывает, какие формы приобретает миметическая

тенденция в формировании реальности психотика и невротика.

В мимикрии выявляется двойная тенденция — воспринимать и уклоняться от восприятия. На материале работ Уилфреда Биона обнаруживается, что уклонение от восприятия предполагает активную деятельность по изоляции объекта, что приводит к заключению о невозможности этого уклонения в действительности. В опоре на исследования психических процессов и миметизма в данной статье делается попытка раскрыть драматическую парадоксальность мимикрии, связанную, с одной стороны, с тенденцией избыточности и погружения, а с другой — с тенденцией проникновения и контроля.

С САМОГО начала XX века феномен мимикрии отодвигался из собственно биологического поля, обрстая дополнительными смыслами, становясь предметом как сознательно-го, так и бессознательного проживания в искусстве и гуманитарной мысли. Благодаря двум мыслителям эта тенденция была схвачена и сформулирована как проблема. Роже Кайуа радикально развернул смысл мимикрии от адаптивной функции и великой экономии природы к эстетическому событию, роскоши и излишеству «художественного инстинкта природы». Не говоря уже о совершенно другом образе природы, не поддерживающем механическую причинность и логику минимальных затрат, такое понимание мимикрии сфокусировало внимание исследователей на отношениях индивида с окружающей средой, детализировало их. Граница внешнего и внутреннего стала не линией раздела, но линией соприкосновения, территорией, где возможны множественные события, природу которых, очевидно, еще только предстояло исследовать. Независимо от Кайуа Вальтер Беньямин настойчиво пытался воплотить интуицию мимесиса как универсального принципа культуры. С его точки зрения, миметические подобиya, которыми пронизан весь мир, с возрастанием скоростей технического прогресса «сворачивались» и переходили на микроуровень, превращаясь в подобиya нечувственные, но точно так же пронизывающие весь мир и человека в нем. В итоге конкретность жизненного опыта и художественного события как бы кристаллизовались в том самом соприкосновении человеческой телесности, жеста, способа бытия и окружающего пространства, будь это дерево, под которым расположился уставший Беньямин, или берлинский двор, окружавший лоджию с колыбелью, в которой он лежал младенцем, или парижские пассажи, по которым флиртывал герой его текста, Шарль Бодлер. Свертывание подобиya требовало изменения оптики, другой системы наблюдения — другого типа письма, чем Беньямин и был озабочен.

Беньямин связал феномен мимикрии с миметическим процессом в концепте «миметического подобиya»¹. Кайуа «патологи-

1. Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.

зирова» мимирию, указав на совершающееся здесь нарушение «естественного» процесса индивидуализации, обособления всего живого². Оба полагали, что миметический процесс нуждается в феноменологически подробном проживании/наблюдении. Для обоих миметическое отношение чревато многообразной событийностью и предчувствуемым драматизмом. В соответствии с этим принципом Бенъямин реконструировал поэзию Бодлера, опираясь на точки контакта форм чувственности и городской среды (число этих точек бесконечно — от случайно пойманного взгляда прохожей и разговора со старьевщиком до времяпрепровождения в пассаже и графики уличных сценок, запечатленных карандашом друга-художника), отслеживая переплетения и взаимовлияния причин и следствий³.

Ретроспективно это погружение в отношения внутреннего и внешнего, феноменологическое замедление и обретение новой оптики можно почти повсеместно обнаружить в литературе начала XX века, прежде всего в прозе Вирджинии Вулф и ее принципе «монологической полисубъектности» (внутренней речи, которая, однако, звучит вовне, переплетаясь с другими голосами и удерживая всю событийность повествования), в письме Джеймса Джойса, Франца Кафки, Роберта Вальзера и многих других. По словам Бенъямина, само письмо становится «архивом нечувственных подобию», здесь накапливается миметическая плоть, а рисунок воображения, мимикрирующего в реальность, проявляется в своих, каждый раз неповторимых очертаниях. О подобной концепции архива думал и Фрейд, когда пытался конкретизировать психическую реальность и в итоге остановился на метафоре «волшебного блокнота», где запись, будучи едина благодаря тесному соприкосновению всех трех листов, при разделении их образует тексты, существующие совершенно по-разному: исчезнувший текст на поверхности целлулоидной пластинки, невидимая прозрачная запись на тонкой восковой бумаге, архив и палимпсест восковой основы.

Описывая «патологический» характер мимирии, Кайуа отсылает к подобию психических и природных состояний. «Легендарная психастения» — симптом, характеризующий ту же захваченность шизоидного субъекта окружающим пространством, замороженность им и неспособность в связи с этим ощущать собственные границы, что демонстрирует и бабочка на лиственной или древесной поверхности.

2. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.

3. Бенъямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ad Marginem, 2012.

Иначе говоря, опыт и аналитика миметического в XX веке ясно указывают на тенденцию феноменологического погружения вглубь мимикрии. Необходимо провалиться в ее реальность, как Алиса провалилась в кроличью нору. Нужно исследовать процессы, которые составляют ее суть, а также понять драматизм, ее характеризующий. Неоднородность и конфликтность здесь неизбежны, поскольку феноменам мимикрии никогда не удастся создавать новые онтологические формы и стабилизироваться в них, они остаются феноменами перехода, вновь и вновь конституируя измерения внутреннего и внешнего, порождая границы, которые только что стирали.

Подобного рода погружение, детальное изучение зон контакта внутреннего и внешнего было выполнено в психоанализе и остается в центре внимания до настоящего времени, и мы попробуем воспользоваться психоаналитическим языком, чтобы реконструировать проделанную здесь работу. Необходимо отметить, что, несмотря на интуиции классического психоанализа, для описания миметических процессов потребовалось все же создать новый язык, который развивается и трансформируется параллельно изучению мимикрии.

Впервые парадоксальную конфликтность в отношениях внутреннего и внешнего миров обнаружил Шандор Ференци. В статье 1909 года «Интроекция и перенос» он обратил внимание на «склонность психоневротиков к имитации», на особого рода «психическую инфекцию», которой они захвачены.

Больной присваивает симптомы или черты характера какой-то личности и приспособливает их к себе, идентифицируя себя в своем бессознательном с этой личностью на основании «одинаковых этиологических притязаний»⁴.

Характерными особенностями такого присвоения становятся, с одной стороны, расточительность, чрезмерность, преувеличенность и нарочитость аффекта, а с другой — холодность и своекорыстие, тщеславие, зависть и ненависть, скрывающиеся за фасадными великодушием и добротой, а также демонстративно провозглашаемой ценностью избранного объекта. И Фрейд, и Ференци видят причину такого положения дел в перенесении, то есть, в том, что

...невротики в стремлении уклониться от неприятных и потому ставших бессознательными комплексов вынуждены относить-

4. Ференци Ш. Интроекция и перенесение // Он же. Теория и практика психоанализа. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. С. 9.

ся к определенным лицам и вещам внешнего мира с преувеличенным интересом⁵.

Внутренняя связь между тем, от чего переносится аффект и тем, на что он переносится, фрагментарна, метонимична, случайна, но при этом элемент, благодаря которому совершается перенос, является вполне реальной, материальной частью мира.

Так, например, влюбленный в искусство Сван переносит на Одетту свой аффект исключительно в силу случайно обнаруженного сходства между уставшей и приболевшей женщиной и линией Сепфоры на картине Сандро Боттичелли. Аффект благодаря этому элементу обретает подвижную точку опоры; объект внешнего мира теперь может быть захвачен, переприсвоен в качестве «*ревенанта*». В душе Свана вспыхивает страсть и обретает свою специфику. Ференци изобретает слово, которое наилучшим образом схватывает характер возникающего миметического отношения. Имитируемый объект внешнего мира помогает взять реванш, страсть к искусству обретает действительную эротическую форму, реактивный компонент вплетен в саму структуру этого жеста и выполняет сложную функцию. Он удерживает в некотором смысле присутствующее прошлое и в том же странном смысле отсутствующее настоящее. Страсть Свана приобретает характер ревности.

Интроекция и перенос предстают как нечто неотделимое друг от друга. «Невротик постоянно находится в поисках объектов, с которыми может себя идентифицировать, на которые может переносить свои чувства»⁶ (подчеркнем — чувства, не имеющие к этим объектам отношения) и *тогда* они, эти объекты, могут быть интроецированы, включены в состав его внутреннего мира. Чем больше невротик интроецирует и переносит, тем сильнее иллюзия близости между ним и объектом, тем больше он им захвачен и тем глубже трещина между ними. При этом интроекция для Ференци — не только и не столько достояние невротика. Это фундаментальный психический процесс, с помощью которого формируется само психическое пространство, как если бы соотношение миров организовывалось не параллелизмом вещей и представлений о них, но прежде всего миметическим подобием пространств. В этой обоюдной артикуляции, танце пространств, формируется как внутренняя реальность, так и мир вокруг. Таким же образом Витгенштейн описывал отношения языка и мира. Язык не выра-

5. Там же. С. 11.

6. Там же. С. 16.

жает, он показывает, поскольку структура языка подобна структуре мира.

Психическая реальность существует в грандиозных омонимиях. Так, для Ференци важна омонимия гипнотического внушения и переноса. Гипноз создает то поле магического, где причина и следствие синхронизируются или могут поменяться местами, то есть где возникает сущностная неопределенность, освобождающая интроективно-переносные процессы. Если реактивность уже всегда встроена в первичный акт принятия чего-либо, этот акт неизбежно содержит в себе пародическое искривление; стремясь быть чистым копированием жеста другого, он использует схему жеста в качестве опоры, позволяющей достичь триумфа над внутренними врагами, такими как фрустрация, невыносимость существования, страх; или же интроекция материализует, создавая невротический симптом — в качестве инструмента развития собственной способности чувствовать. Так, пишет Ференци,

...случайный катар пациентки Фрейда (Доры) превратился, под маской «нервного кашля», в тонко градуированное средство выражения сложнейших любовных влечений⁷.

Совершенно другая, но не менее сложная история развивается, когда дело касается психотической организации⁸. Казалось бы, в данном случае никакой речи о мимикрии не идет. Связь психотика с реальностью разорвана, и он погружается в собственный мир, утрачивая какой бы то ни было интерес к другим объектам. Однако Ференци утверждает, что безразличие психотического субъекта — не что иное, как предельная внимательность. Каталептик, казалось бы, превратившийся в вещь, в «космический обломок», на самом деле абсолютно сосредоточен и захвачен происходящими с его телом и душой событиями; и эти события имеют самое непосредственное отношение к внешнему миру. Параноидальная конструкция основана на чем-то вроде «обратной» интенциональности. Теперь не я воспринимаю объекты мира, но они воспринимают меня, причем в ярко выраженной аффективной манере — любят или преследуют. Проекция как фундаментальный процесс, поддерживающий паранойю, предполагает «обратную» интенциональность и «обратный» мимесис.

7. Он же. Тик с точки зрения психоанализа // Он же. Теория и практика психоанализа. С. 172.

8. Фрейд определяет невроз как конфликт между Я и влечениями, а психоз — как конфликт между Я и внешним миром.

Пациент Ф. в яблоках фруктового сада видит свои размноженные гениталии, другой пациент считает водопровод своим кровеносным сосудом⁹.

Антонен Арто сознательно использовал проективную стратегию в своих текстах (эссе «Нервометр», «Элоиза и Абельяр», «Учелло-волосатик»), следуя как раз путем обостренной чувствительности, наделяя языком каталептическую телесность, взошедшую, с его точки зрения, на высшую ступень восприимчивости и способности переживания. И если в начале XX века литературные проекты в основном связывают обостренное внимание к миру с «чувствительной бесчувственностью», то есть с интроективными процессами (Вулф, Джойс, Пруст), то в литературе середины века основным инструментом становится проективный опыт, порождающий парадоксальную «бесчувственную чувствительность» (Кафка, Беккет). Интересно, что иногда этот переход совершается в рамках одного литературного проекта, как в случае с ранним и поздним Беккетом, в итоге делающим выбор в пользу психотической модели.

Называя интроекцию и проекцию фундаментальными процессами, обеспечивающими формирование психической реальности, а также ее крайними точками, Ференци не ограничивается поляризацией, но описывает конкретные феномены, где интроекция и проекция причудливо сочетаются, образуя замысловатый рисунок, достойный миметических полотен природы. Такой прецедент описан в его статье «Тик с точки зрения психоанализа», где в центре внимания удивительный феномен — молниеносная, стремительно повторяющаяся стереотипия, способная затронуть не только отдельные части тела, но также изолированные мельчайшие мышцы. Тик интересует Ференци, во-первых, как внезапно обретенная автономия части по отношению к целому, к функционально осмысленной жизни организма, автономия, в которой спонтанность неотличима от принудительности; и, во-вторых, как немедленный защитный акт по отношению к любому сенситивному раздражению, обретающий предельное сходство с самим этим раздражением.

Возникая в ответ на травму или боль, моторное действие тика представляет собой защитную реакцию, которая имитирует само воздействие и как бы позволяет войти внутрь раздражения/боли — самому стать ими, так что даже когда боль прошла, моторный жест остается и ведет самостоятельное существование.

9. Он же. К определению понятия интроекции // Он же. Теория и практика психоанализа. С. 46.

Из-за чего можно говорить о тике как о новом влечении, рождение которого можно наблюдать.

Ряд тиков обладает еще одной побочной (если не основной) функцией, а именно — время от времени заставляя чувствовать отдельные части тела и уделять им внимание. Это, например... привычка одергивать или что-то поправлять в одежде, потягивать шей... постоянно облизывать и кусать губы, а также в какой-то мере искаженные гримасы, «цыканье зубом»¹⁰.

Можно было бы сказать, что с помощью этих тиков человек как бы подражает собственному телу, иронически, карикатурно овладевая им (Ференци напоминает: «подражание — излюбленный способ иронизирования»).

Тик — интереснейший феномен еще и потому, что в нем моторные проявления и кататонические реакции (тик позы, связанный не с движением, а с неподвижностью), несмотря на видимую противоположность, являют собой одну и ту же ленту Мёбиуса. Ференци пишет:

Каталепсия и мимикрия были, соответственно, регрессиями к какому-то еще более примитивному способу приспособления живых существ, к аутопластическому приспособлению¹¹.

Изменение собственной самости вместо попытки изменения мира заставляет вспомнить о галлюцинаторных решениях подобных проблем, описанных Фрейдом. Однако в данном случае это не иллюзии. Еще более глубокая регрессия активирует не фантазию, а телесность, иницируя архаичные способности органов и тканей. Один из современных психоаналитиков, Джеймс Гротштейн, удачно сформулировал это качество регрессии. Он пишет:

Парадоксально, но регрессию можно описать не как спуск на прежние уровни существования, а скорее как... *прогрессирование* глубоких структур опыта внутри «я»¹².

Таким образом, интроекция и проекция работают как аутопластические имитативные практики, по-разному использующие интен-

10. Он же. Тик с точки зрения психоанализа. С. 154.

11. Там же. С. 163.

12. Гротштейн Дж. «...Но в то же время на другом уровне...» Психоаналитическая теория и техника в кляйнианском/бионианском подходе. М.: ИОИ, 2022. С. 138.

циональность. При этом они функционируют на материальном уровне, с высокой скоростью и в микромасштабе, глубоко внедряясь в телесность и формируя то, что Ференци называл «истерическими идиомами» и «шедеврами аутопластики»¹³.

Кайуа заметил, что как только речь заходит о мимикрии, любая область знания актуализирует свой эстетический ресурс. Можно было бы добавить — не только эстетический, но и эвристический в целом. Описание миметических процессов требует языковых трансформаций, как будто язык также должен регрессировать и аутопластически приспосабливаться к тому, за чем он следует. В 1920-е годы в психоанализе произошла революция, сравнимая с революцией в физике при открытии ненаблюдаемых частиц. Мелани Кляйн описала то, что происходит во внутреннем мире младенца с момента рождения вплоть до обретения им речи. Условием этой революции стала методологическая установка, связанная с непрерывным наблюдением, а также повышенным вниманием к контексту и точным, мельчайшим деталям детского поведения. В очередной раз взгляд становится все более подробным, открывая мир бессознательной фантазии, постоянно проявляющей себя именно в деталях и, в частности, позволяющей развивать наблюдение за процессами интроекции и проекции.

Паула Хайманн так очерчивает зону перехода, контакта внутреннего и внешнего, где разворачивается игра мимикрии:

Малыш узнает окружающий мир, «беря все в рот». Он также уделяет усиленное внимание объектам вокруг, знакомится с ними шаг за шагом, кусочек за кусочком, рассматривая, облизывая, хватая их. Рот, руки, глаза и уши буквально «абсорбируют» предметы его любопытства. Если хватает мускульных сил, он имитирует объект, изображая движениями тела нечто «замеченное» в значимом для него человеке, демонстрируя таким образом, что он уже абсорбировал, «интроецировал» его (или ее)¹⁴.

Не менее важным жестом является отвержение. Поскольку внешний мир первоначально существует лишь в связи с тем удовольствием или страданием, которое он с собой несет, младенец воспринимает его объекты всегда как имеющие отношение к нему.

13. Ференци Ш. Феномен «материализации» истерии // Он же. Тело и подзнание. Снятие запретов с сексуальности. М.: Nota bene, 2003. С. 83, 89; «Истерические материализации демонстрируют пластичность и даже хужественные способности организма» (Там же. С. 89).

14. Хайманн П. Функция интроекции и проекции в раннем младенчестве // Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. С. 198.

Потому выплюнуть что-либо плохое отнюдь не означает избавиться от него навсегда, но скорее создать врага, произвести объект, который нападет в ответ; напротив, проекция чего-либо хорошего является подготовкой к реинтроекции и возвращению к реальному объекту. Интроекция и проекция постоянно переплетаются, порождая все более сложный, дифференцирующийся или стагнирующий мир отношений и коммуникаций. Четыре оси этих отношений (хорошее, плохое, внутреннее, внешнее) не всегда совпадают и совершенно исключают возможность точного разграничения фантазии и реальности. Отношение между внутренними и реальными объектами постоянно осциллирует. Фрустрация со стороны реальных объектов заставляет обращаться к внутренним, искать утешения у них, идеализировать их, но это отношение также является неустойчивым, пробуждает подозрения и тревогу.

Фантазии относительно внутреннего объекта открывают путь к внешнему, и наоборот, внешний объект дает чувственный материал для конструирования внутреннего¹⁵.

Хайманн подчеркивает, что, несмотря на противопоставление внутреннего и внешнего в языке описания, речь идет об одном и том же — фантазии по поводу внутренних объектов неотделимы от отношения к внешним и образуют единый опыт. Любопытно, что в новой антропологии отношение между фантазией и реальностью разворачивается по той же схеме, через усложнение и дифференциацию переходной зоны. Так, Эдуардо Кон описывает жизнь в джунглях, где вы никогда не знаете точно, с кем именно встретились — с ягуаром, ставшим человеком, или с человеком, ставшим ягуаром, в силу чего и само различие между человеком и ягуаром оказывается неочевидным.

Итогом теории объектных отношений, изучающей психический мир раннего детства, становится представление о двух модальностях психической реальности — о параноидно-шизоидной и депрессивной позициях. Первая предполагает множественность, частичность, стихии и потоки, вторая — формирующееся целое, организованное вокруг утраты (утрачиваемого значимого объекта). Додумав до конца мысль Ференци о телесности психического и об исходном отсутствии границ между фантазией и реальностью, Кляйн разрушила когнитивный схематизм, которым была

15. Там же. С. 224.

отмечена мысль Фрейда. Феноменологический поворот совершился, мышление теперь рассматривалось исключительно в контексте перцептивности, а сама перцепция — как двойной процесс интроекции и проекции, то есть не только как восприятие, но и как отказ воспринимать что-либо. Какие же формы имеет этот отказ?

Погружение в конкретность уклонения от восприятия осуществил Уилфред Бион, выдвинув целый ряд важных тезисов. Во-первых, вслед за Ференци и Кляйн он полагал, что выделительная функция — одна из важнейших в живой системе и нуждается в специфическом символическом сопровождении. Во-вторых, Бион усматривал тесную связь между психической операциональностью и психической фактичностью. Таково его предположение о том, что исходным психическим материалом являются аффективно окрашенные телесные состояния (бета-элементы). Преимущественный способ обращения с ними — это проекция, изоляция и перемещение. Этот тип психической фактичности плохо поддается процессам символизации и, будучи интегрирован в целостную психическую систему, все равно сохраняет свои свойства фрагментарности, осколочности и обрывочности, по сути, являясь экскрементом. Другой тип психического материала имеет опору в визуальных образах и нарративных последовательностях и тесно связан с процессами символизации. Его природа как будто целиком реализована в символической активности (альфа-функция), в соотнесенности со смыслом целого. Третьим тезисом является само стилистическое различие психических актов, отмеченных изолирующими и контекстуализирующими стратегиями. И наконец, еще одна важная мысль Биона состоит в том, что если объект, с которым я имею дело, расщеплен и фрагментирован, то точно так же расщеплено и фрагментировано мое Я.

То есть Бион слегка смещает смысл фрейдовских «проглотить» и «выплюнуть». Принять в данном случае — это значит произвести образ или нарратив, создать временные или пространственные связи, создать контекст. Отказаться принимать означает изолировать, инкапсулировать психический материал, а также заняться поиском пространства, в которое его можно было бы внедрить. Изолирующая стратегия тесно связана с переживанием отсутствия как такового, с опытом ничто. Рассматривая психическое становление в онтологических терминах, Бион трактует отсутствие ценного объекта (материнской груди) как переживание присутствия чего-то плохого внутри: поскольку голод — это конкретное физическое состояние (боль), этот внутренний объект нуждается в инкапсулировании и эвакуации. Бион говорит:

Я не приписываю младенцу понимание потребности, но я приписываю ему понимание неудовлетворенной потребности¹⁶.

Голод как плохой внутренний объект должен быть исторгнут во вне, а это означает, что он помещается в мать и превратится в преследующую грудь — пожирающую интенцию, адресованную самому младенцу. В итоге параноидальная конструкция создана и работает. Собственные состояния интерпретируются как намерения внешнего мира. Внутреннее страдание превращается в переживание агрессии, адресованной мне. Вся конструкция основана на изоморфизме чувства и действия, которые сохраняют тождественность, полностью меняя свой смысл.

Поскольку основной мотив отказа воспринимать — это непереносимость фрустрации, именно изолирующие стратегии являются наиболее изощренно адаптивными; имитативность — их принцип. Блон поддерживает представление Кляйн об исключительной переплетенности частей Я, внутренних и внешних объектов, полагая, что спроецированные части Я довольно агрессивно ведут себя в отношении внешних объектов. Это практически всегда колонизация: вторжение, внедрение, захват, осуществляемые с целью контроля над внешней реальностью или обеспечения безопасности своих собственных частей.

Об увеличивающейся интенсивности соприкосновения внутреннего и внешнего и специфических поверхностных эффектах, возникающих на этой границе, свидетельствовал сам изменяющийся психоаналитический язык. Паула Хайманн активно использовала слово «*абсорбция*». Дональд Мельтцер и Эстер Бик открыли особый тип *адгезивной* идентификации, использующий кожу и мышечные ткани в качестве инструмента, позволяющего сканировать и точно воспроизводить эмоциональный ландшафт взаимодействия, успешно мимикрируя в его контекст, но не понимая его смысла. Дональд Винникотт описал «ложную личность», также успешно справляющуюся с задачами адаптации, защищающую и надежно прячущую личность подлинную. Проблема имитации психической реальности к середине XX века становилась все более острой.

Вернемся еще раз к аксиоматике британской традиции (Кляйн, Блон, Мельтцер). Перцепция — это не только восприятие, но и отказ воспринимать, а этот отказ восходит к работе выделительной функции, которая предполагает инкапсуляцию и эвакуацию собственных частей и внутренних объектов. Другими словами, когда

16. Блон У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008. С. 48.

я что-то «не воспринимаю», это всегда означает развертывание активной деятельности по изоляции «невоспринимаемого» объекта, чтобы облегчить имитативное внедрение и последующий контроль над ним.

Очевидно, что такое понимание восприятия и отказа от него выходит за рамки логики, полагающей существование чего-либо или отрицающей его, что, конечно, трансформирует проблематику истины и лжи. Описывая психическую реальность в терминах альфа-функции и бета-элементов, Блон говорит о том, что в человеческую психику встроена «система производства ложностей». То есть ложь не является утверждением о том, что существующее не существует. Она является таким преобразованием существующего, при котором его смысл сдвинут: то, что было живым, приобретает механические черты, гордость и достоинство оборачиваются высокомерием, способность понимать — тупостью, эротизм — ханжеством. Как будто бы ничего не изменилось, структуры сохраняют свой изоморфизм, но при этом изменилось все.

Блон переосмысливает концепцию психической реальности, опираясь на миф, который, как он считает, служит психоанализу математической формулой. Мифы, значимые для психоанализа, всегда указывают на проблему неразличимости истины и лжи. Эдипово стремление знать в какой-то момент *оборачивается* параноидальным преследованием Тиресия, райское блаженство Адама и Евы — попыткой обретения всемогущества, подлинная intersубъективность строителей Вавилонской башни — непонимающим друг друга многоязычием. Миметическое подобие здесь функционирует явно иначе, нежели у Бенямина. Оно уже не является зоной события, той магической территорией, где причины и следствия — это серии, стремящиеся навстречу друг другу. Здесь не происходит ни сексуального события, ни рождения жизни, — наоборот, миметический рисунок выполнен в слишком определенных линиях, они проведены раз и навсегда, замыкают, а не размыкают картину.

Подчеркивая единообразие ситуаций во всех названных мифологических прецедентах, Блон обращается к мифу о Палинуре и предлагает его подробное прочтение. Похоже, что для него этот миф — зеркальная противоположность декартовой конструкции. Во многом подобный картезианской ситуации неотличимости сна и бодрствования —

...но теперь-то я совершенно точно не сплю, но наяву смотрю на этот лист, и голова эта, которой сейчас качаю, не охвачена обманчивыми грезами. В полном сознании, обдумав этот жест,

я протягиваю руку — никогда во сне не переживал я ничего более определенного. Правда, я, пожалуй, не смогу вспомнить на-
верное, был ли я игрушкой сна, когда ранее сходным образом
принимался за рассуждения, ибо внимательнее передумывая
их теперь, вижу совершенно ясно, что ни по каким надежным
признакам нельзя в них явь отличить от сна¹⁷ —

этот миф акцентирует не точку зрения самонаблюдения и самосознания, а богов и стихию, которым противостоит кормчий. В отличие от Рене Декарта, разговаривающего с самим собой, Палинур вступает в диалог с самим Сном, который в облике Форбанта уго-
варивает кормчего передать управление ему и поспать, пользуясь
спокойным морем. Самому Сну Палинур презрительно, по-кар-
тезиански отвечает, что не может довериться «обманчивому лику
спокойного моря», вероломному ветру и безоблачному небу, ко-
торым он столько раз был обманут. Находясь в эпицентре обмана,
в стихии притворства, Палинур рассчитывает на сохранение си-
стемы координат, не выпускает из рук кормило и неотрывно смо-
трит на звезды, по которым держит путь. Но бог Сна насылает сон
на Палинура и, едва дождавшись, когда ослабнут члены кормче-
го, низвергает его, сонного, вместе с кормилом (!) в голубую глубь
моря, откуда он молит о спасении.

Бион всегда напоминает: другая сторона всемогущества — это
беспомощность. Если Декарт абсолютизирует бодрствование, яс-
ность и очевидность самосознающего мышления, то Бион абсолю-
тизирует сон с его окончательной правдой отклонения от предпи-
санного маршрута. Сновидение, в котором фантастическое под-
чиняется повседневной логике, а повседневное являет себя как
фантастическое, в полной мере обнаруживает драматизм миме-
тического феномена.

Рискнем предположить, что драматизм этот обусловлен двой-
ной тенденцией. То, что Кайуа называет избыточностью и «художественным инстинктом природы», а Бион — альфа-функцией, представляет собой производство конкретности. Детали не существуют отдельно, они сверхдетерминированы, пронизаны мно-
жеством связей, из них ткется единое полотно, которое не все-
гда можно охватить взглядом. Сверхдетерминация предполагает
и множество линий, которыми вычерчивается рисунок и кото-
рые, например, прославляет Арто, когда пишет о живописи Паоло
Уччелло:

17. Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб.: Наука, 1995. С. 31.

Что ты видишь, кроме круговращения ветвей, решетки вен, крохотного следа морщинки, разводов моря волос. <...> Идеальная волосая линия, невыразимо тонкая и дважды повторенная¹⁸.

Или Мерло-Понти, который пишет, что,

... передавая цветовыми градациями объемность предмета, Сезанн отмечает его контур *несколькими синими линиями*¹⁹.

Двойная тенденция мимикрии состоит в одновременности восприятия и не-восприятия. Восприятие рушит идею мимесиса как подражания, потому что «пережитое нельзя воспроизвести», нельзя выразить одно посредством другого, так как «мир — это объем без всяких пробелов»²⁰, любая реальность избыточна и подражать ей — это уже всегда быть низвергнутым в «голубую глубину моря». Не-восприятие, напротив, обнаруживает исключительную цепкость в отношении объектов и поддерживает миметические практики за счет проникновения и контроля. Так, латентный гомосексуал, уклоняющийся от восприятия желания, размещает собственные чувства в том объекте, который мог бы быть значим для него, и в гомофобном триумфе торжествует над невыносимыми частями Я, одновременно устанавливая воображаемый контроль над интересующим его объектом. Подобно перчатке, вывернутой наизнанку, гомосексуальность превращается в гомофобию. Возможны и другие варианты. На материале клинического случая Ференци описывает, как непризнанная гомосексуальность идиосинкратически мимикрирует в гетеросексуальность. Субъект, охваченный гомосексуальным желанием, которое он не в силах признать, разворачивает грандиозное эмоциональное полотно в отношениях со своей женой. Долгое время жившие вместе супруги, чья эротическая жизнь не отличалась яркостью, вдруг оказываются в центре почти романной интриги. Ночь начинает мощно инвестироваться фантазиями. Муж обвиняет жену в эротической безудержности, утверждая, что она требует от него немыслимой сексуальной активности в извращенных формах, подозревает ее в многочисленных изменах, проявляет агрессию и бьет жену, чего никогда не было в их отношениях. Одновременно он

18. Арто А. Учелло-волосатик // *Locus solus*. Антология литературного авангарда XX века в переводах Виктора Лапицкого. СПб.: Амфора, 2000. С. 92.

19. Мерло-Понти М. Сомнение Сезанна // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 108. Курсив автора.

20. Там же.

безупречен и сервильно лоялен по отношению к объекту своего желания, что первоначально кажется естественным, поскольку он и правда является слугой. Но по мере того, как проективные тенденции берут над ним верх, в его сервильности становятся все более очевидны подчеркнутость и нарочитость, а также элементы преследования. Фантазия сосредотачивается вокруг предполагаемой любовной сцены между женой и объектом его желания, на сцене появляется нож, и герой истории отправляется в психиатрическую клинику.

Фрейд когда-то говорил о том, что в психической реальности ничто не исчезает. Следуя за Ференци и британцами, можно было бы сказать, что мы не только можем помнить все, но и все воспринимаем. Хотя в точке контакта человека и мира никогда не бывает точного совпадения, что и обуславливает неизбежность миметического усилия, которое складывается двояко — в интродективном расширении, вписывающем мир в себя, порождающем бесконечное психическое письмо, всегда рискуя раствориться в «голубой глубине»; и в проективной инкрустации, впечатывающей себя в мир, оставляя повсюду эти загадочные знаки.

Библиография

- Арто А. Учелло-волосатик // *Locus solus*. Антология литературного авангарда XX века в переводах Виктора Лапицкого. СПб.: Амфора, 2000. С. 91–93.
- Беньямин В. Берлинское детство на рубеже веков. М.: Ad Marginem, 2012.
- Беньямин В. Учение о подоби. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012.
- Бион У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
- Гротштейн Дж. «...Но в то же время на другом уровне...» Психоналитическая теория и техника в клянианском/бионианском подходе. М.: ИОИ, 2022.
- Декарт Р. Размышления о первой философии. СПб.: Наука, 1995.
- Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.
- Мерло-Понти М. Сомнение Сезанна // (Пост)феноменология. Новая феноменология во Франции и за ее пределами / Сост. С. А. Шолохова, А. В. Ямпольская. М.: Академический проект, 2014. С. 102–118.
- Ференци Ш. Интродекция и перенесение // Он же. Теория и практика психоанализа. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. С. 8–44.
- Ференци Ш. К определению понятия интродекции // Он же. Теория и практика психоанализа. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. С. 45–47.
- Ференци Ш. Тик с точки зрения психоанализа // Он же. Теория и практика психоанализа. М.; СПб.: ПЕР СЭ; Университетская книга, 2000. С. 143–174.
- Ференци Ш. Феномен «материализации» истерии // Он же. Тело и подсознание. Снятие запретов с сексуальности. М.: Nota bene, 2003.
- Хайманн П. Функция интродекции и проекции в раннем младенчестве // Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. С. 190–249.

INSIDE MIMICRY: THE QUESTION OF TRUTH AND FALSEHOOD AS APPLIED TO PSYCHIC REALITY

NINA SAVCHENKOVA. Stasis Center for Practical Philosophy, European University at St. Petersburg (EUSPb), Russia, ninasavchenkova@mail.ru.

Keywords: mimicry; mimetic process; insensible similitudes; introjection; projection; falsity production system; perception; non-perception.

The analytics of the phenomenon of mimicry and mimetic processes, carried out in humanitarian thought in the 20th century — in the works of Roger Caillois and Walter Benjamin, provides a basis for understanding mimicry in an anti-adaptive manner, as a conflicting relationship between internal and external. Psychoanalytic study of neurotic and psychotic structures also points to the significance of mimetic processes for the inner life of a person and connects them with the fundamental processes of introjection and projection that give rise to psychic reality. The analysis of these processes in the works of Sandor Ferenczi shows what forms the mimetic tendency takes in the formation of the psychotic's and neurotic's reality.

In mimicry we find a dual tendency to perceive and to avoid perception. On the basis of Wilfred Bion's work, it is revealed that evasion of perception implies activity to isolate the object, which leads to the conclusion that this evasion is impossible in fact. Based on these studies, this article attempts to reveal the dramatic paradoxicality of mimicry, associated, on the one hand, with the tendency of redundancy and immersion in the context, and on the other hand, with the tendency to penetrate and control external objects.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-5-219-234

References

- Artaud A. Uchello-volosatik [Uccello le poil]. *Locus Solus. Antologiya literaturnogo avangarda XX veka v perevodakh Viktora Lapitskogo* [Anthology of the Literary Avant-garde of the Twentieth Century in Translations by Victor Lapitsky], St. Petersburg, Amphora, 2000, pp. 91–93.
- Benjamin W. *Berlinskoe detstvo na rubezhe vekov* [Berliner Kindheit um neunzehnhundert], Moscow, Ad Marginem, 2012.
- Benjamin W. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniia* [Doctrine of the Similar. Media Aesthetic Works], Moscow, RSUH Press, 2012.
- Bion W. *Nauchenie cherez opyt perezhivaniia* [Learning From Experience], Moscow, Cogito center, 2008.
- Caillois R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Le mythe et l'homme. L'Homme et le sacré], Moscow, OGI, 2003.
- Descartes R. *Razmyshleniia o pervoi filosofii* [Meditationes de prima philosophia], St. Petersburg, Nauka, 1995.
- Ferenczi S. Fenomen «materializatsii» isterii [Hysterische Materialisationsphänomene]. *Telo i podsoznanie. Sniatie zapretov s seksual'nosti* [The Body and the Subconscious. Removing Inhibitions From Sexuality], Moscow, Nota bene, 2003.
- Ferenczi S. Introektsiia i perenesenie [Introjektion und Übertragung]. *Teoriia i praktika psikhoanaliza* [Bausteine zur Psychoanalyse], Moscow, St. Petersburg, PER SE, Universitetskaia kniga, 2000, pp. 8–44.
- Ferenczi S. K opredeleniiu poniatii introektsii [Zur Begriffsbestimmung der Introjektion]. *Teoriia i praktika psikhoanaliza* [Bausteine zur Psychoanalyse], Moscow, St. Petersburg, PER SE, Universitetskaia kniga, 2000, pp. 45–47.

- Ferenczi S. Tik s tochki zreniia psikhoanaliza [Psychoanalytische Betrachtungen über den Tic]. *Teoriia i praktika psikhoanaliza* [Bausteine zur Psychoanalyse], Moscow, St. Petersburg, PER SE, Universitetskaia kniga, 2000, pp. 143–174.
- Grotstein J. «...No v to zhe vremia na drugom urovne...» *Psikhoanaliticheskaia teoriia i tekhnika v kliainianskom/bionianskom podkhode* [“But at the Same Time and on Another Level”. Psychoanalytic Theory and Technique in the Kleinian Mode], Moscow, Institute for General Humanitarian Studies, 2022.
- Heimann P. Funktsiia introektsii i proektsii v rannem mladenchestve [Certain Functions of Introjection and Projection in Early Infancy]. *Razvitie v psikhoanalize* [Developments in Psychoanalysis], Moscow, Academic Project, 2001, pp. 190–249.
- Merleau-Ponty M. Somnenie Sezanna [Le doute de Cézanne]. *(Post)fenomenologiya. Novaia fenomenologiya vo Frantsii i za ee predelami* [(Post)phenomenology. New Phenomenology in France and Abroad], Moscow, Academic Project, 2014, pp. 102–118.